

Предоставление земель Черноморскому казачьему войску

Прочее

Из проектов, предусматривавших восстановление Запорожского войска на новых началах, с неизбежностью вытекал вопрос о предоставлении ему соответствующей территории. Правительственные круги мыслили разрешение этого вопроса лишь в виде отвода новых земель вне границ бывшего Запорожья. Это и не могло быть иначе. Выделение Черноморскому войску территории бывших запорожских владений было невозможно по политическим соображениям. Признав в 70-х годах незаконными претензии Запорожской Сечи на земельные фонды, правительство не могло допустить противоречивого поступка в этом вопросе. Кроме того, огромная часть территории бывшего Запорожья стала уже частной собственностью таких сановников, как князя Потемкин, Вяземский, Прозоровский и др. Несколько лет правительственные круги затруднялись вынести твердое решение по вопросу о том, куда же поселить новообразованное войско. Правда, в 1784 г. Потемкин проектировал отвести формируемому тысячному отряду бывших запорожцев местность на левом берегу Днепра. На сей счет он 6 апреля 1784 г. испрашивал повеление у императрицы. В эти границы должна была войти и некая минимальная часть бывшего Запорожья, та, которая была крайне слабо заселена и находилась далеко от центральных районов Украины. После официального утверждения Черноморского войска возник новый проект.

Указом от 14 января 1788 г. Екатерина II поручила Потемкину решить вопрос о

войсковой территории по собственному усмотрению, учитывая просьбы и желания казаков, которые якобы хотели поселиться в «Керченском Куту или на Тамане».Идея переселения на Кубань пользовалась, несомненно, значительной популярностью в казачьей среде. Устье Кубани и восточное побережье Азовского моря были хорошо известны запорожцам. Еще во времена Сечи казаки ловили рыбу в Ейском лимане и в ближайших к нему местах, в границах позднейшей Черномории На этой почве не раз имели место столкновения с местными обитателями. Историк Кубанского войска Е.Д. Фелицын утверждает даже, что запорожцы жили оседло на Кубани задолго до падения Сечи. По-видимому, в данном случае речь идет об очень немногочисленном казачьем населении, занимавшемся рыбной ловлей. Этим и объясняется, в частности, то обстоятельство, что непосредственно после разрушения Сечи часть беглецов направилась в сторону Кубани. Из секретного ордера Потемкина В.А. Черткову от 29 апреля 1776 г. узнаем, что Чертков 4 марта доносил «о намерении к побегу на Кубань бывших запорожцев». На Кубань могли бежать и бежали неимущие элементы — серома, которая искала там заработка на рыболовецких промыслах, находившихся до 1783 г., т.е. до ликвидации Крымского ханства, на территории, в части своей формально не входившей в состав России.После учреждения войска возник другой проект. Новое войско предложено было поселить на возвращенной исконной русской территории между Бугом и Днестром. Из сообщения Потемкина Чепеге от 1 марта 1790 г. видно, что вопрос о формальном закреплении за войском указанной территории был поднят в начале года 4. Решению этого вопроса в законодательном порядке предшествовала активная деятельность черноморских казацких кругов. Руководители войска — Чепега и Головатый развернули кипучую деятельность, стремясь придать просьбе о предоставлении территории характер петиции, выражавшей волю всего войска.Планы имущего казачества были весьма обширны. Бывшие запорожские зимовничане и рыбопромышленники претендовали не только на область между Бугом и Днестром, но и на значительные территории, примыкающие к этой области с

востока. Проект петиции обсуждался как в конных, так и в пехотных частях войска. До нас дошли глухие отголоски борьбы различных групп казачества в связи с этим. Из письма Чепеги Головатому от 18 августа 1789 г. явствует, что конница, представленная в основном имущим казачеством, стояла за присоединение к территории, лежавшей между Бугом и Днестром, обширных степных пространств между Перекопом и нижним течением Днепра и далее на восток до берега Азовского моря. Пехота, состоявшая преимущественно из малоимущих и неимущих казаков, не сразу согласилась поддержать этот проект. В том же письме Чепега просил Головатого приложить усилия, чтобы пехоту «привести о земле в единогласие». Из-за отсутствия документальных данных трудно уяснить себе мнение пеших казаков по этому вопросу. Весьма вероятно предположение, что настроение неимущей и малоимущей части казачества не могло отличаться определенностью. Для серомы, например, составлявшей значительную часть войска, сам по себе вопрос о размерах территории и ее географическом положении не представлял интереса. Она интересовалась им постольку, поскольку это облегчало или ухудшало приискание заработка. Трудно предположить также, чтобы и средние круги казачества как запорожского, так и незапорожского происхождения могли формулировать свои притязания на территорию в строго конкретной форме. Тем не менее, 19 августа 1792 г. пешие казаки вынесли решение, целиком отвечавшее интересам конных и долженствующее подчеркнуть в глазах высшего начальства «единство» мнений казачества по сему предмету. Документ этот весьма выразителен. Казацкие верхи просили дополнительно к области между Бугом и Днестром присоединить огромную местность: «всю Кубанскую сторону», северо-западное побережье Азовского моря от устья р. Берды до Перекопской линии, и далее граница должна была идти до Кинбурна. Размеры территории, на которую претендовали бывшие запорожские верхи, как видим, весьма внушительны. По площади она превосходила Запорожье и, кроме того, имела ряд крупных преимуществ, связанных с географическим положением. Этот проект был своеобразной попыткой запорожских собственников получить от правительства

компенсацию за потерянные ими на Запорожье владения. Указанная просьба, естественно, встретила серьезные возражения в правительственных сферах и не была выполнена. Но она небезинтересна как показатель земельных притязаний запорожских богачей. В связи с этим нужно подчеркнуть, что борьба запорожских верхов за территорию отнюдь не закончилась 5 июня 1775 г. Она была только заглушена и вспыхнула вновь тотчас после учреждения Черноморского войска, внешне приняв характер просьбы перед престолом. 1 марта 1790 г. Потемкин известил черноморский Кош о том, что он просил у императрицы земли для войска между Бугом и Днестром, а 19 апреля объявил, что войску дополнительно будут предоставлены Кинбурнская сторона, Еникальский округ и Тамань. Кроме того, со своей стороны Потемкин дарил войску лично при надлежавшие ему рыбные ловли на Таманском полуострове. Правительство, впрочем, не склонно было санкционировать этот проект. Во время войны Черноморское войско владело фактически лишь территорией между Бугом и Днестром. Добиваясь разрешения вопроса о территории в законодательном порядке, черноморская старшина обратилась после смерти Потемкина за содействием к генерал-майору В.С. Попову, бывшему правителю дел при Потемкине. Чепега в письме к Попову от 30 ноября 1791 г., т.е. после окончания военных действий, заявлял, что «войску черноморскому в рассуждении многолюдства между рек Буга и Днестра на земле поместиться невозможно». Заметим при этом, что все население области, в том числе и неказачье, насчитывало не более 30 тыс. человек. Чепега просил возбудить перед императрицей вопрос о присоединении к войсковой территории Кинбурнской стороны, Еникальсксго округа и Тамани. В течение 1791 г. и первой половины 1792 г. вопрос об отводе Черноморскому войску территории разрешался под впечатлением разных проектов. Из писем правителя Екатеринославского наместничества В.К. Каховского В.С. Попову от 1792 г. видно, что к этому времени вопрос о переселении Черноморского войска на новое место уже был решен. Земли между Бугом и Днестром оказались объектом длительной борьбы как со стороны русских помещиков — Вяземского, Безбородко, де-Рибаса, де-Витта, Мордвинова и др., так и со

стороны молдавских бояр — Стурдзы, князей Кантакузенов и т.д. И первые и вторые осаждали правительство просьбами о предоставлении им земель для колонизации. В связи с этим Каховскому было поручено составить план раздачи земель, административного устройства области и сооружения пограничных укреплений. Весной 1792 г., когда решался вопрос о формах колонизации района, где было расположено Черноморское войско, руководители последнего отправили в Петербург депутацию во главе с войсковым судьей А. Головатым. Какие именно конкретные соображения сказались решающими в вопросе о переселении войска из-за Буга на Кубань, сказать трудно. Повидимому, правительство сообразовалось не только с желанием русских и молдавских помещиков. Решение переселить войско на Кубань диктовалось также близостью забужской области к Задунайской Сечи, куда часто переходила казачья серома. Кроме того, казачья колонизация пограничной области между Бугом и Днестром привлекала сюда массу беглого населения с Правобережной и Левобережной Украины. Тянувшаяся на землю Черноморского войска беднота, бежавшая от крепостного ярма, легко перекочевывала за Днестр. Территория войска была своеобразным мостом для беглых, переходивших в Бессарабию и в Задунайскую Сечь. Проект переселения на Кубань решительным образом менял обстановку. Во-первых, защита кубанского правобережья от набегов черкесских феодалов строго соответствовала интересам империи в охране неприкрытых границ, а также планам утверждения на Кавказе. Во-вторых, для заселения казаками отводился край, находившийся на военном положении и, следовательно, недоступный или малодоступный для помещичьей колонизации. Наконец, уничтожался «мост» для бегства крестьян и самих черноморцев за Дунай. Правительстве учитывало одновременно то, что обширные пространства прикубанских степей должны удовлетворить притязания черноморских, т.е. бывших запорожских, богачей — Старшин и казаков. Отправляя депутацию Головатого в Петербург, черноморский Кош снабдил ее прошением на имя императрицы и инструкцией от 29 февраля 1792 г., в которой выдвигались огромные претензии в отношении территории. Головатый должен был

добиваться пожалования войску далеко не одного Таманского полуострова. Границы просимой местности должны были идти от Азовского моря по р. Кагальнику в направлении урочища Хомутицкого до р. Маныч и далее. Войсковая территория должна была занимать, по планам черноморских богачей, огромные пространства степей почти до самого Ставрополя, а от него на запад до Недреманного редута и Овечьего брода на Кубани и до ее низовьев включительно. Кроме того, испрашивалась часть Таврического полуострова, расположенная против Тамани, для устройства там пристани. Уверенный в удовлетворении своих претензий, черноморский Кош, не ожидая законодательного решения, отправил на Кубань для осмотра и описания местности есаула Мокия Гулика. Энергичный и ловкий Головатый, располагая обширными связями в великосветских петербургских салонах, настойчиво добивался удовлетворения прошения и пожалования войску земли. Не без искусства дипломата, переступая пороги правительственных учреждений и великосветских гостиных, импонируя вельможам то игрой на бандуре, то экзотикой запорожского наряда и обычаев, Головатый удачно осуществил возложенное на него поручение. Правда, выданная Екатериной II жалованная грамота от 30 июня 1792 г., в той части, которая касалась границ пожалованной территории, заключала некоторую неопределенность. Точно были очерчены лишь западные и северные пределы войсковой территории: войско получало о. Фанагорию с местностью, лежащей на правом берегу Кубани; от низовьев Кубани граница шла вверх по реке до устья р. Лабы (Лабинского редута), с одной стороны, и по берегу Азовского моря вплоть до устья р. Еи, с другой стороны. Что же касается северо-восточной, восточной и юго-восточной стороны, то грамота предусматривала уточнение границы генерал-губернатором кавказским и губернаторами екатеринославским и таврическим. Межевание войсковой территории продолжалось несколько лет. Видную роль в этом деле сыграл землемер В. Колчигин, командированный таврическим губернатором. Довольно интересна переписка Колчигина с Головатым и Чепегой. Задобренный Чепегой, Колчигин ставил межевые знаки в полном соответствии с претензиями влиятельных черноморских

кругов. Старшина и имущее казачество тотчас по переселении на Кубань стали основывать хутора и заимки с таким расчетом, чтобы при установлении официальной границы войсковой территории можно было сослаться на факт владения и, значит, расширить территорию войска елико возможно. Колчигин ловко тянул землемерную цепь. В письме Головатому от 19 июня 1795 г., он не без удовлетворения и в то же время вполне откровенно писал: «Слава богу, мы дошли до Кирпилей и все ваши хутора, даже до последнего, остались внутри границы вашей. Теперь направим уже пики на Челбасы с тем, чтобы козы были сыты и сено было цело». Не без борьбы была проведена граница возле Усть-Лабинской крепости и в Ставропольской области. Вклинившись в территорию Кавказского генерал-губернаторства, черноморский Кош с азартом отстаивал интересы черноморских собственников. Таким образом, в борьбе за войсковую территорию классовые интересы богатого казачества проявились вполне отчетливо.

Автор: Голобуцкий В.А.

